

Со следующего дня Гу Тинье перебрался спать во внутренний кабинет. Минлань молча приготовила для него спальный коврик, постельное бельё, мягкий газовый полог с вышитыми кузнечиками и две белые нефритовые курительницы, чтобы отгонять комаров.

Гу Тинье стоял в стороне от кабинета, смотрел на аккуратную хорошо расставленную мебель в комнате, и раздражался ещё сильнее.

Строго говоря, это не было нормальной ссорой между мужем и женой. Один из супругов в одностороннем порядке внезапно рассердился, а другой честно выслушал и даже заплакал от испуга. Однако результат очень соответствовал нормальной ссоре: холодная война.

Самая неприятная вещь в мире — это знать, в чём проблема, и не иметь возможности её решить.

Столкнувшись с ужасающим лицом своего мужа, который возмущался и требовал, чтобы она проявляла искренность, как сборщик долгов, Минлань чувствовала, как у неё болит голова.

Если бы Гу Тинье был обычным человеком, Минлань уверенно согласилась бы с этими требованиями, пела и плакала бы, когда ей этого захочется. Однако у этого человека был большой опыт в общении с женщинами, и он хорошо разбирался в людях, он также имел взрывной темперамент, поэтому она не смогла бы его обмануть в этот раз.

Минлань вообразила себе, как подбежала бы к нему и сказала, чтобы выразить своё раскаяние: «Ах, я осознала свою ошибку, пожалуйста, прости меня! На самом деле я действительно люблю тебя!», и посчитала, что он и взгляда на неё не поднимет.

Минлань понимала значение слов Гу Тинье, прозвучавших ночью, но она не могла говорить правду, будучи его женой. Она чувствовала, что в последнее время ей жилось слишком комфортно, она перестала дотошно следить за своими действиями, и даже пренебрегла настроением своего мужа, что было действительно неуместно.

Она была полна решимости задуматься о своих действиях.

Одна из проблем — невозможность попросить другую сторону понять источник проблем. Она не может быть искренней даже с самой собой, что является эмоциональной проблемой. Минлань чувствовала, что на самом деле с отношениями проблем нет, просто в её методах есть изъян, и стратегию нужно дорабатывать, а это уже была техническая проблема.

Одному кажется, что его жена неискренна, и всегда думает о том, как поступить правильно,

вторая считает, что её муж слишком хлопотной, и что она просто хочет жить спокойной жизнью.

Гу Тинье отказывался возвращать стабильные отношения добровольно, а Минлань не могла придумать решения, поэтому ей оставалось только и дальше как обычно заниматься детьми.

Спустя долгое время Минлань, на самом деле, остро ощущала безнадёжность. Её жизнь была не так уж печальна, но было бы хорошо, если бы она смогла родить ещё парочку детей, чтобы быть больше уверенной в стабильности. Но, к сожалению, этот мужчина отказывался спать с ней.

Видя, что Минлань продолжает жить, будто ничего не случилось, Гу Тинье сердился всё больше и больше, и отказывался возвращаться в спальню. Он скучал по сыну, поэтому часто брал его к себе в кабинет спать ночами. Теперь, когда он мог уговорить ребёнка уснуть, это было несложно.

Если он возвращался поздно, то будил спящую Минлань посреди ночи, забирал Туаня, заворачивая его в одеяло. У Минлань началась бессонница. Когда её сына посреди ночи забирали от неё, она просыпалась, когда он решал принести его обратно перед уходом, чтобы запихнуть его в её постель в темноте, она снова просыпалась. После этого она сидела до рассвета с дремлющим пельменем на своих руках.

К счастью, в отличие от своей матери, этот толстяк не чувствовал никакого дискомфорта из-за того, что ему приходилось спать первую половину ночи со своей матерью, затем со своим отцом, когда ему приблизится взять его, а затем снова со своей матерью. Иногда он просыпался среди ночи и немного играл с Гу Тинье. Минлань слабо вздохнула.

«Знаешь ли ты, что твой отец ночами мстит не только обществу, но и своей жене?»

В последние несколько дней муж и жена пребывали в состоянии холодной войны, но в доме совершенно ничего не происходило.

На третий день холодной войны Цюнян собралась действовать. Взяв в руки тарелку с птичьим гнездом и надев красивую одежду, она пришла к кабинету, чтобы «навестить» Гу Тинье. Однако она не знала, что сказать, и это сделало Гу Тинье ещё более несчастным, тарелка с птичьим гнездом вылетела за дверь и разбилась. Вернувшись к себе, Цюнян много плакала.

На пятый день холодной войны Цхуйвей наказала женщину, которая часто отправляла вещи и еду в кабинет вместе со своей юной племянницей. Они получили двадцать палок и были отправлены в деревню.

На восьмой день холодной войны семья Ван вернулась в столицу.

Дядя Ван, брат Ван Ши, отсутствовал в столице несколько лет, но теперь срок его службы истёк и он вернулся, чтобы отчитаться. Говорили, что через два дня, когда пожилая госпожа Ван отдохнёт, а Ван Ши успокоится, семья Шен навестит их. Минлань считалась её законной дочерью, поэтому она также должна была нанести визит родственникам, вернувшимся в столицу. Минлань была смущена, но ей пришлось поговорить с Гу Тинье и объяснить ситуацию. Закончив, она с нетерпением смотрела на него.

— Послезавтра я вернусь раньше, пойдём вместе. Туань слишком маленький, поэтому мы не можем навестить их с ним в первый раз, — равнодушно ответил Гу Тинье.

— Спасибо, господин.

Минлань просто ожидала его решения. Она не хотела забирать и обнимать Туаня, но не хотела также показаться плохой. Поэтому, подумав, она с радостным видом обняла руку Гу Тинье и положила голову ему на плечо.

Гу Тинье некоторое время смотрел на неё, повернув голову и вздыхая в душе. Она как ребёнок, который очень искренне признаёт свои ошибки, честно принимает наказание. Очень милый и воспитанный ребёнок, который не знает, где ошибка, и даже не хочет её исправлять.

От неё исходил нежный благоухающий запах, а лицо было похоже на прекрасный цветок. На самом деле ему это очень нравилось, поэтому он машинально обнял её за талию. «Хорошо, давай просто жить так», — безнадёжно подумал он. Лучше просто этот отпустить.

Послезавтра Минлань, как обычно, снова пошла пригласить Шао Ши составить им компанию. Та покачала головой и с улыбкой извинилась:

— Пообедайте со вторым братом, когда две девушки вернутся из школы, мы втроём вместе поедим.

Вероятно, она привыкла к скромной жизни вместе с пожилой госпожой Цинь. А, может быть, из-за ежедневных ссор и обид между двумя братьями. Гу Тинъю и Гу Тинье не ладили. Шао Ши была очень ответственной, и раньше у неё было много забот, и приходилось много думать о том, что правильно, что неправильно. Ни до этого, ни сейчас, став молодой вдовой, она не выходила из поместья и ни с кем, кроме своей семьи, не общалась. Кроме того, в день родов Минлань она не оказала ей никакой помощи, и теперь, видя её и Гу Тинье, становилась ещё более осторожной, скромной и настороженной.

— Доверяю этих девочек вам, — вздохнув, тихо произнесла Минлань.

На самом деле, Минлань не винила её. В этом мире было мало самоотверженных людей, большинство в первую очередь думало о себе.

Гу Тинъе сменил придворную одежду, Минлань специально выбрала для него тёмно-синий парчовый халат «шу», расшитый бегониями, и он переоделся в него.

Хотя старый дом семьи Ван был невелик, его расположение было лучше, чем у семьи Шен. Оно находилось всего в получасе езды на повозке от императорского города, поэтому они прибыли быстро. Старый слуга встретил их у двери. По эмблеме на повозке он сразу понял, что это дочь семьи Шен из поместья Нинъюань хоу, и поспешно поприветствовал их с уважением.

Когда они вошли, Минлань обнаружила, что все члены семьи Шен уже прибыли. Пожилая госпожа Шен сидела рядом с седовласой старухой. Шен Хун почтительно стоял в стороне и разговаривал с другим мужчиной с улыбкой на лице. Там были ещё люди, которые сидели или стояли.

Минлань сделала шаг вперёд и поклонилась, чтобы поприветствовать их вместе с Гу Тинъе. Пожилая женщина быстро подняла руку, чтобы они встали.

— Кстати говоря, сестра впервые видит нашу шестую девочку, — с улыбкой сказала пожилая госпожа Шен.

Госпожа Ван, жена брата Ван Ши, стоявшая сбоку, никак не среагировала. Минлань приблизилась к пожилой госпоже Ван, чтобы она могла получше её рассмотреть.

— Она аккуратный ребёнок, сестре и впрямь повезло, — без особого энтузиазма произнесла та.

На самом деле Минлань никогда не видела семью этого так называемого дядюшки. На этот раз, когда она увидела их, она обнаружила, что, хотя пожилая госпожа Ван была уже стара, у неё всё ещё была прямая осанка и достоинство. Минлань знала, что она была очень близка со своей старшей дочерью, тётушкой Кан, и та была сильно похожа на неё внешне. В молодости она, вероятно, была красавицей. По сравнению с ними Ван Ши была слишком обычной и простой, имела грубые манеры и часто суровое выражение лица.

Кузен Ван Ю был больше похож на семью Ван: он имел широкий рот, нос, и выглядел простоватым и честным. Здесь также находилась старая знакомая Минлань, её двоюродная сестра Кан Юань'эр, которая вышла замуж в семью Ван вместо Жулань. В этот момент она с высокомерным видом осматривала платье Минлань, пытаясь найти то, что можно было бы раскритиковать. Однако ей не за что было зацепиться.

На руке Минлань был надет сине-золотой двойной нефритовый браслет, её волосы украшали золотые заколки виде феникса, состоящие из восьми частей, и была инкрустирована белым нефритом. Неважно, какова была стоимость этой заколки, мастерство, с которым она была исполнена, было неоспоримо. Целый кусок белого нефрита был отполирован так чисто и тонко, что походил на крыло цикады. Это считалось утерянной техникой обработки нефрита предыдущей династии.

Кан Юань испытывала горечь, и она изо всех сил старалась промолчать. Минлань проигнорировала её существование и вместо этого повернулась к Юнь'эр.

— Сестра, ты тоже вернулась в столицу? — спросила она.

Шен Чанву действительно был хорошим мужем, который сумел найти предлог, чтобы вернуть к себе жену из родного города. Кан Юнь бросила взгляд на свою мать, тётушку Кан, и шагнула вперёд, чтобы взять Минлань за руку.

— Сестрица, то, что случилось несколько лет назад... Это вина моей матери, — со стыдом прошептала она. — Ты... Ты... Не принимай это близко к сердцу...

— Почему брат Ву не пришёл сегодня? — слегка улыбнувшись, спросила Минлань.

— Его отправили в лагерь в западный пригород на некоторое время, он может возвращаться только раз в две недели, — сказала Кан Юнь. Видя, что Минлань не среагировала на её слова, она поняла, что та всё ещё злится и ощутила грусть. Как бы не ошибалась её биологическая мать, она всё ещё являлась её матерью.

— Пятая сестра тоже не сможет прийти, — ответила Минлань. Она знала, что на уме у Кан Юнь, но она не собиралась прощать тётушку Кан ради неё, поэтому она намеренно подняла другую тему. — Недавно у её мужа умер дядя, поэтому они уехали в сельскую местность, чтобы выразить им соболезнования.

Решение об отъезде Веня Яньцзина было принято, и в последнее время Жулань была очень послушна семье своего мужа, поскольку боялась, что любая ошибка или проступок обернутся против неё, и она вынуждена будет остаться.

— Хоу Е, вы можете считать меня бабушкой, а я буду считать вас своим внуком, — мягко произнесла пожилая госпожа Ван.

— Надеюсь, пожилая госпожа здорова, — сев боком рядом с ней, произнёс Гу Тинье.

Пожилая госпожа Ван была немного недовольна его ответом. Когда он приветствовал пожилую госпожу Шен только что, он назвал её «бабушкой», но, когда он увидел её, он назвал её «пожилой госпожой». Это было чёткое разделение.

Тётушка Кан, стоявшая рядом с ней, была очень сердита.

Пожилая госпожа Ван вздохнула, она, естественно, знала о запутанных отношениях между своей старшей дочерью и семьёй хоу. С того момента, как они вошли, они ни разу не обратились к ней и не называли её тётей. Она действительно не понимала свою дочь: будучи родственницей, не связанной с ними кровью с обеих сторон, она должна была быть вежливой,

чтобы её не игнорировали.

— Я осмеливаюсь спросить тещу, когда вернётся мой брат? — с улыбкой произнёс взволнованный Шен Хун.

Когда он пришёл к семье Ван, чтобы просить брак, многие не слишком-то хорошо о нём отзывались, но эта теща отнеслась к нему очень хорошо. Брат Ван Ши тоже был добрым человеком. В первые несколько лет карьеры он особенно заботился о нём.

Пожилая госпожа Ван с улыбкой посмотрела на своего младшего зятя, она была довольна.

— Максимум через месяц, минимум через полмесяца. Прежде, чем переезжать, вы должны чётко разобраться с делами. Я не видела свою старшую сестру много лет, поэтому я прибыла раньше.

— Кстати говоря, Бай и его жена скоро тоже должны вернуться в столицу, чтобы отчитаться о своей работе, — с улыбкой произнесла пожилая госпожа Шен. — Затем наша семья устроит ужин в честь воссоединения.

— Бай — хороший ребёнок, в столь юном возрасте он уже является одним из чиновников, и приносит честь семье, — глаза пожилой госпожи Ван сверкнули, она была обеспокоена. — Но мой Ю всё ещё учится. Кажется, жена Бая была беременна?

— Второго марта у него родился сын, и мать, и ребёнок в безопасности, — пожилая госпожа Шен выглядела всё более и более счастливой.

Ван Ши тоже была очень счастлива, поэтому не могла не похвастаться:

— Несколько старых служанок, которые вернулись от них с письмом, сказали, что это большой и толстый мальчик, который хорошо ест, спит и очень энергичен! Также у него есть счастливая родинка на груди, что говорит о том, что он будет мудрым и богатым!

— Поздравляю с появлением ещё одного внука, у вас так много мальчиков, — произнесла пожилая госпожа Ван. Хотя она не сказала ничего такого, Кан Юань и тётушка Кан ощутили беспокойство.

В это время в дверь вошла Хуалань, поправляя рукава. Рядом с ней шла группа детей.

—...теперь, когда я съела плод, я должна честно ждать, — она подняла взгляд и улыбнулась. — О, шестая сестра, зять, и вы уже здесь.

— Старшая сестра, хорошо, что ты в порядке, — Минлань шагнула вперёд и улыбнулась, Гу

Тинье тоже встал и поприветствовал её.

— Как в последнее время дела у старшего зятя?

— Хорошо, дома всё в порядке.

— Я слышала, что иностранные конные фермы за эти несколько лет вывели множество хороших лошадей, но теперь многие люди в столице ждут, чтобы купить лошадь моего зятя, — Минлань намеренно сказала несколько радостных слов.

— Он!.. — Хуалань махнула рукой и не смогла скрыть самодовольства. — В последнее время он уходит рано утром и возвращается посреди ночи. Наша семья не может жить в спокойствии, люди приходят каждый день...

— Теперь я понимаю, почему ты прибыла сюда ранним утром! — указав пальцем на неё, улыбнулась госпожа Ван. — Ты пришла сюда, чтобы спрятаться!

— С самого приезда и по сей день, в том числе и сегодняшним утром, я помогала своей бабушке устраивать переезд, — усмехнулась Хуалань, останавливаясь рядом с пожилой госпожой Ван. — Я делала это, потому что у меня было свободное время, но теперь тётушка Ван говорит так, потому что боится, что я потребую зарплату за тяжёлую работу?

— Хорошо-хорошо, я поделюсь с тобой фруктами позже, — сделав вид, что задумалась, ответила госпожа Ван.

Хуалань закусила губу и, повернув голову, улыбнулась.

— Моя бабушка так талантлива, я не знаю, где она смогла найти своему сыну такую хорошую жену, что семья Ван процветает день ото дня.

Все в комнате рассмеялись, пожилая госпожа Ван была особенно счастлива.

— Маленькая обезьянка, — указав рукой на Хуалань, отругала её пожилая госпожа Ван. — Ты уже такая взрослая, а до сих пор проказничаешь! Твой отец должен побить тебя!

Даже мужчины, находящиеся в комнате, не смогли не улыбнуться. Все смотрели на Хуалань с обожанием во взгляде. Лишь лица тётушки Кан и Кан Юань были мрачными. Они не сводили взгляда с сыновей Хуалань.

— Я так счастлива видеть столько детей сегодня, почему племянница не привела и своего сына? — внезапно повернувшись к Минлань, произнесла тётушка Кан.

Минлань была ошеломлена, услышав это. Она так сильно ненавидела тётушку Кан, что не желала даже открывать рта, поэтому просто посмотрела на Гу Тинье со смущённым выражением лица.

— Ребёнок ещё слишком мал, — ответил Гу Тинье вместо неё. — Когда он подрастёт, его выведут.

Тётушка Кан усмехнулась, Кан Юань поняла, что та задумала что-то неладное и потянула мать за рукав, но та не собиралась сдаваться.

— Молодой господин Гу так драгоценен...

— Чьи дети не драгоценны, — внезапно перебила её пожилая госпожа Ван. — Зачем выносить из дому ребёнка, которому нет и года? — она не сводила с тётушки Кан взгляда, её голос был низким. — Ты родила несколько детей, и не знаешь даже такой простой истины?

Тётушка Кан неохотно закрыла рот.

Минлань стояла в стороне и холодно смотрела на пожилую госпожу Ван — прожив много лет вне столицы, она всё же хорошо знала возраст её сына.

После обеда все один за другим попрощались и вернулись к себе, лишь тётушка Кан сказала, что, поскольку у неё нет свекрови, она хочет несколько дней пожить со своей родной матерью. Ван Ши изначально хотела поступить также, но Шен Хун не позволил ей остаться. Пожилая госпожа Ван сказала, что собирается отдохнуть после обеда, и попросила свою невестку заняться делами, а сама вернулась во внутреннюю комнату с тётушкой Кан, распустила слуг и завела с ней разговор.

— Когда ты сможешь решить эту уродливую проблему! — вздохнула она. — Ты же знаешь, что сейчас Гу хоу на её стороне, зачем провоцировать эту девушку!

— Что в нём особенного, это просто сын дочери дешёвой служанки, — пренебрежительно ответила тётушка Кан, надув губы.

— Заткнись! — вскрикнула пожилая госпожа Ван. — Не важно, кем она родилась! Теперь она по статусу выше тебя, она красива и молода, муж любит её, ты должна уважать её, быть снисходительной и вежливой, иначе ты будешь страдать!

— Да, сейчас она молода и красива, но когда Гу хоу перестанет баловать её, она будет страдать! — тётушка Кан не была убеждена. — Просто... ха-ха, ещё слишком рано! На самом деле недавно эта сучка и Гу хоу поссорились, он даже ушёл спать в кабинет. Смотря на них сегодня, я поняла, что они уже не так близки, как раньше... — она расхохоталась.

— Я сказала тебе перестать так поступать, но ты не слушаешь! — неожиданно продолжила ругать её пожилая госпожа Ван. — С чего ты это взяла? Гу хоу не спит с ней, ну и что? Чему ты радуешься? Разве ты не видела взгляд Гу хоу, когда он посмотрел на тебя сегодня? Что ты сделала, чтобы тебя так презирали?

Тётушка Кан поджала губы и отказалась говорить.

Хотя Минлань выслала ту служанку в деревню, она смогла наладить связи с женщиной, чья племянница работала во внешнем кабинете. Однако как только та передала информацию, её тоже поймали и выслали. Она успела сделать это лишь один раз и связь оборвалась.

Тётушка Кан подозревала, что Минлань давно знала, что её окружение не совсем чистое, поэтому она намеренно выставила слежку. Таких совпадений просто не могло быть.

— Кажется, я что-то слышала об этом, — неожиданно произнесла пожилая госпожа Ван. — Дочь наложницы из твоей семьи отдали в наложницы ван Аньяну. Старому ванну в этом году семьдесят, а ей всего десять лет. Как ты могла это сделать?

— Мама, в этот раз это не я, — улыбнулась тётушка Кан. — Это всё твой хороший зять, который хотел подлизаться к вану. Я просто придумала идею.

— Ты не боишься, что эта девушка будет мстить тебе?!

— Мать и брат этой девки в моих руках, чего мне бояться! — гордо улыбнулась тётушка Кан.

— Не удивительно, что ты так самодовольна, подслала девчонку к вану Аньяна! — пожилая госпожа Ван, видя упрямство своей дочери, была обескуражена. — Я слишком стара, я не могу заботиться о твоих делах. Но я хочу поговорить с тобой о Юань, дело касается преемственности в семье Ван.

Тётушка Кан напряглась. Её дочь ещё не родила, а госпожа Ван и пожилая госпожа Ван уже давно были ей недовольны.

— Мама, Юань'эр — твоя внучка, — она задрожала. — Ты не можешь...

— Ю — тоже мой внук! — сердито ответила пожилая госпожа Ван.

— Юань'эр перечила своей свекрови, не слушается своего свёкра, и даже осмелилась избить мою старшую служанку прямо передо мной! Она была настолько сумасшедшей, что однажды чуть не зарезала кого-то ножом! Если бы это была не моя собственная внучка, ты думаешь, я позволила бы ей жить до сегодняшнего дня?! — пожилая госпожа Ван глубоко вздохнула и сказала. — Один год. Я подожду максимум ещё один год. Если Юань не забеременеет, невестка найдёт своему сыну хорошую наложницу. Не волнуйся, после рождения ребёнка его запишут

под именем Юань'эр.

— Жена старшего сына Шен Вей не беременела много лет! — закричала тётушка Кан. — Но разве они перестали ждать?! Теперь она, наконец, родила!..

— Это потому, что у него двое сыновей! — разозлилась пожилая госпожа Ван. — Но у нас есть только один Ю! Он слаб здоровьем, и я не могу так рисковать! Это чрезвычайная ситуация, что ещё я могу сделать? Я не могу подвести твоего мёртвого отца и позволить роду прерваться на Ю!

Тётушка Кан прокусила губу до крови.

— Хорошо, ещё один год, — безжалостно произнесла она. — Если ничего не получится, я соглашусь на наложницу, но... — она устремила взгляд на свою родную мать. — Оставьте ребёнка матери!

Пожилая госпожа Ван была потрясена, но, смотря на лицо своей дочери, которая выглядела в точности, как она в молодости, она ощутила, как её сердце смягчилось. Она медленно кивнула.

Вернувшись в поместье, Гу Тинье увидел, как Минлань радостно несёт маленький жёлтый глиняный кувшин, и не смог притвориться равнодушным.

— Это продукты, привезённые из Ченде? Должно быть, очень хорошие вещи, раз ты так счастлива.

— Это благоприятное блюдо, — улыбнувшись, Минлань подняла голову. — Это папоротник, — увидев, что он не совсем понял, добавила она.

— Тебе такое нравится? — Гу Тинье был удивлён.

— Это не для меня, это для Чжан Ши, госпожи хоу Вэйбэй.

Минлань медленно подняла клеёнку и посмотрела на солёный зелёный папоротник внутри. Вода была прозрачной и чистой. Она внезапно ощутила невероятную любовь к госпоже Ван. Она только что попробовала два кусочка вместе с Сяотао и, хотя он был очень солёным, он был действительно хрустящим.

— Обычно его сушат на солнце, и каждая семья ест его с водой по-своему, и не всем хватает ума попробовать его засолить. Хотят этот папоротник замаринован, он выглядит свежим. Значит, его замариновали сразу же после того, как собрали, и он ещё не успел увясть. Теперь

его можно есть!

— Я хочу попробовать то, что ты рассказала, — видя, как она радуется, не смог не улыбнуться Гу Тинье.

— У нас два кувшина. Давай оставим один для себя, — улыбнулась Минлань. — Что бы ты не захотел съесть, я приготовлю это для тебя позже. Будь то суп, или жаркое... Ах, нет, сейчас лучше всего есть холодный салат...

Гу Тинье слегка улыбнулся.

У неё был весёлый темперамент, она была оптимистична и здорова, и стремилась вперёд, и вела себя так, будто даже большие дела можно начать заново, и жила так, словно каждый рассвет приносит ей надежду на ждущее впереди счастье.

— Дай мне кувшин, я быстро доставлю его, — он вдруг почувствовал, что тоже молод.

Минлань сморщила нос и озорно улыбнулась.

— Вы желаете взять самую быструю лошадь и доставить его самостоятельно? Е шутите так, хоу Е! Я возьму повозку, и отправлюсь навестить сестрицу Чжан, чтобы поговорить с ней.

Чжан Ши вот-вот родит. Она собиралась дать ей немного еды, которую она любит есть, и разговорить её. Даже если она проведёт последнюю психологическую консультацию перед родами, она очень надеялась, что роды пройдут гладко.

— Возвращайся скорее, — улыбнулся Гу Тинье.

Минлань энергично кивнула.

— Я поужинаю, когда вернусь.

Во дворе благоухали цветы, бегонии росли по всей площади. Мужчина сидел в большом ротанговом кресле под навесом, качал маленького пельменя на руках и смотрел, как она уходит. Он никогда не мог сердиться на неё долгое время.

Жаль, что когда она не возвращалась до тех пор, пока не зажглись лампы, и выглядела усталой. На краю её юбки виднелось несколько капель крови.